
Есть в лесу избушка на куриных ножках,
в ней живет старушка – странная немножко.
За глаза старушку ведьмой величали,
а ее избушку часто навещали
то Кощей бессмертный, то Иван-царевич,
всем – прием сердечный. Если что – подлечит,
голоден – накормит, в баньке искупает,
никого не гонит, всё на свете знает,
варит понемногу свой настой целебный,
путнику в дорогу даст клубок волшебный.
Только так скажу я – злить ее не стоит,
обернется сразу Бабою-ягою
и в печи изжарит, обглодает кости...
Не груби старушке, коль придешь к ней гости.

Дети уходят неслышно,
прочь из квартир городских,
проводов празднично-пышных
мы не устроим для них.

Дети уходят бесшумно,
тайной тропой, через лес,
ночью беззвёздной, безлунной –
времени было в обрез.

Даже «прощай!» не сказали,
так торопились уйти,
груз беспросветной печали
взрослым осталось нести.

Никогда мы не будем прежними,
безмятежными, юными, нежными,
беззаботные и бесстрашные –
это мы, но уже вчерашние.

Перелистываем страницы
жизни, чтоб в суете забыться,
юность – миг, что ушёл однажды,
в эту реку не входят дважды.

Но все реки впадают в море,
и в бескрайнем его просторе

каждый может найти свой остров,
надо только идти по звёздам.

Сумасшедший Сказочник

Он бредёт неслышно во тьме ночной,
много разных сказок несёт с собой,
много разных сказок из дальних стран
положил, как бублик, себе в карман.
Но пока он брёл, он сошёл с ума,
оказалось, сказкам-то грош цена,
позабыли их в темноте ночной,
может время сказок ушло? Постой!
Сумасшедший Сказочник, как же так?
Ты прожил всю жизнь, разгоняя мрак,
и сияли звёзды в глазах твоих,
отчего же голос сейчас затих?
Ты во тьме веков оставлял свой след,
и спасали сказки твои от бед,
от глухой тоски, от дурной молвы...
А могли бы в сказку поверить вы?
Чтобы вспомнил он, кем когда-то был,
и проснулся сердца угасший пыл,
разгорелось пламя его души,
чтобы снова Сказочник к нам спешил.
И тогда бы он в свой залез карман,
там так много сказок из дальних стран,
и для вас найдется одна из тех,
что способна вызвать и плач, и смех,
и чудесный Сказочник в темноте
вам укажет путь, что ведет к мечте.

Скрипка играла над грешной землёй,
звуки струились прозрачной рекой,
дважды нельзя в эту реку войти,
но сколь угодно ты можешь испить.
Время неспешно текло по волнам,
мир был прекрасен и чист, будто храм,
но исчерпаем блаженства исток,
сказано так, что всему есть свой срок.
Рвётся струна, словно тонкая нить,
россыпью бусин теряются дни,
жизнь – как мираж, не дойти до воды,
в мареве райские тают сады.
Мир замолчал, обращаешься в слух,
где-то вдали на свирели пастух
новый мотив в тишине заиграл,
бусины дней воедино собрал.

Тик-так, тик-так...
Вдруг свет возник,
мой первый крик,
испуг, улыбка, солнца блик,
и рядом кто-то близкий.

Тик-так, тик-так,
итак, я есть,
О, вот бы мир увидеть весь!
Его чудес не перечесть,
ныряю в омут жизни.

Тик-так, тик-так,
часы спешат,
закат – рассвет, рассвет – закат,
несётся времени фрегат,
судьбы прядется нить.

Тик-так, тик-так,
увы, никак
не различу я – где пустяк,
где важное, попасть впросак
легко, так как же быть?

Тик-так, тик-так,
тик-так, тик-так,
скажи пароль, подай мне знак,
когда мне сделать первый шаг,
когда мне отступить.

Тик-так, тик-так,
спешат часы,
года кидая на весы,
за ними смерть,
тик-так, тик-так,
неспешно отмеряет шаг,
сумеет всех найти.

Тик-так, тик-так,
тик-так, тик-так,
но я пока в пути.

Листья – как стёкол цветные осколки,
страшно на них наступить,
ветер осенний – порывистый, колкий,
хочет их соединить.

Только разбитую вазу не склеить,
не повернуть время вспять,
я отказалась от этой идеи,
осень хочу отмечать.

Быстро сгоревшее жаркое лето
так далеко, как мираж,
а из осколков, что солнцем согреты,
я собираю витраж.

Праздновать осень сегодня хочу я –
здесь ей царить суждено –
с ветром порывисто-колким ликуя,
с ним я теперь заодно.

Меланхолия мелом малюет меня
На стене. Я двухмерна и в этом пространстве
Не хватает объема, и день ото дня
По стене я стекаю. В своем постоянстве
Возвращается вновь меланхолии бред,
Как и прежде меня настигает в предзимье,
Осень палой листвой замечает свой след,
Застывает на сердце узорами иней.
Я скрываюсь под снегом, тело сковано льдом,
Замерзаю затем, чтоб однажды оттаять,
Меланхолия манит малиновым сном,
Простираясь до самого края.

Не быть мне гением
с высоким самомнением,
и мэтром уж наверное не стать.
Подвержена сомнениям,
стремления
достигнуть идеала – где бы взять?
Не быть мне гениальной,
хоть ты тресни,
себя не переделать, хоть убей.
Но быть неидеальной
интересней,
к тому же однозначно веселей.

Снежный великан (детский рассказ)

Граах выглянул из заснеженной пещеры, втянул ноздрями утренний морозный воздух и громко чихнул. Мирно щебетавшие снегири тут же взлетели с елок и умчались прочь. Граах тяжело вздохнул. Было грустно, что все вокруг разбегаются, хотя он даже не успел еще выбраться наружу.

– Мам, пап, почему меня все боятся и не хотят со мной играть? – Граах обиженно шмыгнул носом, хотя в нем было больше двух метров роста, и весь он был покрыт густой серебристо-белой шерстью. – Я же никого не хотел обидеть.

Из пещеры выбралась мама Грааха, такая же серебристо-белая, только она была еще выше.

– Сынок, к сожалению, все вокруг боятся снежных великанов.

– Но мы же добрые!

– Да, но они видят, какие мы большие и пугаются, потому убегают, не успев ничего о нас узнать.

– Мне так хочется с кем-нибудь поиграть, – Граах скатал снежок и надкусил его. Несмотря на свой грозный вид, снежные великаны питались только снегом и сосульками, отсюда и пошло их название.

– Я понимаю, милый. Почти все наши сородичи ушли далеко на север, может быть, следующей зимой и мы отправимся вслед за ними. А пока, пожалуйста, поиграй один.

– Только не подходи близко к деревне, – из пещеры выбрался снежный великан-папа и строго взглянул на сына.

– Да я же только издали на нее тогда смотрел, – начал оправдываться Граах, но отец его прервал:

– Я ведь говорил тебе, что те времена, когда мы с людьми были добрыми соседями, давно прошли. Потом они стали охотиться на снежных великанов ради нашего меха, хоть мы и говорим с ними на одном языке. Так что теперь мы живем там, где нас никто не побеспокоит.

– Люди же такие маленькие, ну что они могут нам сделать?

– Люди не охотятся по одному, и они хитрые. Пообещай мне, что не уйдешь дальше Одинокого холма.

– Ладно, обещаю, – Граах понял, что спорить бесполезно, и поспешил в лес, пока родители не передумали и вообще не запретили ему уходить далеко от пещеры.

Одинокий холм гордо возвышался среди леса, оправдывая свое название. Вдалеке виднелись холмы пониже, за которыми спряталась человеческая деревня. Граах однажды добрался туда и восторженно наблюдал за светящимися окнами домов, пока не пришли родители, обеспокоенные долгим отсутствием сына. После этого Грааху на целый месяц запретили отходить далеко от пещеры.

А ведь для прогулок у снежных великанов было не так уж много этих самых месяцев, ближе к весне они прятались глубоко в свою пещеру и засыпали там до следующей зимы.

Так что Граах решил не рисковать, он поднялся на Одинокий холм и принялся за свое любимое развлечение – скатывать огромные снежные шары и запускать их вниз по склону. На плоской вершине холма Граах уже успел вытоптать небольшую поляну, посреди которой возвышалась единственная уцелевшая ель.

Снежный великан так увлекся, что когда за спиной раздался чей-то голос, подпрыгнул от неожиданности:

– Ты что, снеговика лепишь? А можно мне тоже?

Обернувшись, Граах увидел перед собой девочку почти в два раза ниже его ростом. Из-под вязаной шапки выбивались рыжие пряди, а лицо слегка покраснелось после подъема по склону.

– Привет! – девочка помахала сразу обеими руками в ярко-красных варежках. Граах испугался и обрадовался одновременно. Папа много раз говорил ему остерегаться людей, и, наверное, он был прав, но не таких же маленьких! К тому же снежный великан очень устал от одиночества.

– Ты ведь снежный человек, йети? – девочка, не дожидаясь ответа, продолжала говорить. – Ой, а мне бабушка рассказывала, что в этих лесах водятся йети, точнее, раньше водились, но потом ушли, а отец сказал, что все это сказки, а я подумала – вдруг не все ушли? Ты ведь не ушел, ведь так? Ой, а ты понимаешь наш язык? – спохватилась она и замолкла. Грааху показалось, что паузу она взяла лишь затем, чтобы вдохнуть побольше воздуха и продолжить задавать вопросы, так что он поспешил ответить хотя бы на один:

– Я снежный великан.

– Ну, я же говорю – йети!

– Не знаю я никаких йети, меня зовут Граах.

– А я – Агата, – девочка бесстрашно подошла поближе к снежному великану и уставилась на него с неприкрытым восторгом. – Живу тут в деревне, – она махнула рукой как раз в сторону тех домов, на которые однажды засмотрелся Граах.

– И как же ты забралась так далеко? – удивился он.

– Так вот же, – девочка слегка притопнула ногой, обутой в лыжу, – я на них знаешь как быстро езжу! Это мой папа сделал, он вообще много всего умеет делать из дерева.

– И ты не боишься?

– Нет, – Агата помотала головой, и Граах понял, что она не красуется, а действительно такая смелая, – я лес знаю, как свои пять пальцев. А ты добрый, я по глазам вижу!

– Странно, что раньше я тебя не встречал, – пробормотал снежный великан, радостный и смущенный от того, что наконец-то его не боялись и вот так вот запросто разговаривали.

– Здесь я сегодня впервые. Увидела, что кто-то лепит снеговика, и решила присоединиться!

– Что такое снеговик?

– Как, ты не знаешь? А для чего же ты катаешь снежные шары?

– Эм... чтобы скатить с холма, – почему-то застеснялся Граах, это развлечение внезапно показалось ему глупым. Но Агата была другого мнения.

– Скатить с холма? Вот здорово! Но лично я предпочитаю сама скатываться на лыжах. А хочешь, покажу тебе, как снеговика лепить?

Граах медлил с ответом. Ему так хотелось узнать, что это за снеговик такой и как его лепить. Но папа очень долго учил его не доверять людям, и он боялся, вдруг девочка расскажет всем про их встречу, и следом за ней придут охотники.

– Ты чего? – удивилась Агата, глядя на задумавшегося снежного великана, а потом догадалась, что же его беспокоит. – Ты не думай, я не болтушка какая-нибудь, и никому про тебя не расскажу. Зуб даю!

Тут Граах не выдержал и так засмеялся, что от смеха закачалась одинокая елочка, очень уж забавным ему показалось последнее выражение.

– Надо же, как ты громко смеешься, – восторженно воскликнула девочка, которую, похоже, восхищало все вокруг. – будешь моим секретным другом? – выпалила следом она.

– Другом? Ты правда хочешь со мной дружить?

– А почему нет, – просто ответила Агата, – ты же добрый.

– И как ты догадалась? – решил поинтересоваться Граах.

– Ну, будь ты злым, ты бы тут не из снега лепил, а... ну не знаю, елки бы там ломал, например.

– Вообще-то я тут выломал несколько елок, поэтому здесь теперь эта поляна, – опустил глаза снежный великан и принялся оправдываться, – но я не со зла, просто так снежные шары удобнее лепить.

– А что, действительно удобно, – ответила девочка, удовлетворившись таким ответом. – Зато место для снеговиков будет!

Агата сняла лыжи, аккуратно воткнула их в снег и принялась объяснять Грааху что к чему. Следуя ее указаниям, он слепил штук десять огромных снеговиков, высотой примерно с уцелевшую елку. Руки им сделали из веток, а глаза и нос – из шишек.

– Смотри-ка, – сказала Агата, – снеговики как будто водят новогодний хоровод вокруг елки!

– Какой хоровод?

– Новогодний! Ты что, не знаешь, что такое Новый год?

– Нет, – если бы снежные великаны умели краснеть, то Граах бы уже стал пунцовым.

– Да ничего, я тебе расскажу. Новый год – это самый лучший и волшебный праздник. Его отмечают раз в год первого января. Значит, один год кончился, и наступил следующий. А там и до весны осталось пара месяцев.

– Я весной впадаю в спячку и сплю до следующей зимы.

– Ух ты, так ты как медведь, только наоборот! Но тогда тебе тем более стоит отмечать Новый год.

– И как же его отмечают? – заинтересовался снежный великан.

– Наряжают елку, приглашают гостей, вместе водят вокруг нее хоровод, обмениваются подарками. А еще загадывают желания, ведь под Новый год случаются настоящие чудеса.

– Это, наверное, очень весело.

– Конечно! – воскликнула Агата. – Смотри, снеговики как будто наши гости. А елочка эта и без украшений красивая. Новый год уже завтра, и я обязательно приеду тебя поздравить.

– Так ты приедешь?

– Ну конечно, ты же теперь мой секретный друг! Так?

– Так, – подтвердил Граах.

– Вот и договорились! Мне пора ехать домой, там уже заждались, наверное. Завтра обязательно увидимся! – Агата помахала снежному великану рукой, надела лыжи и помчалась в сторону деревни.

– Увидимся! – помахал в ответ Граах и поспешил в свою пещеру, ведь пока он лепил снеговиков, прошло много времени.

Папа встретил сына испытующим взглядом.

– Где же ты так долго пропадал сегодня?

– Играл на одиноком холме, – ответил Граах.

– Точно?

– Зуб даю!

– Какой еще зуб? – удивилась мама. – У тебя вроде бы все на месте.

– Это я так пошутил, – ответил Граах и, чтобы не сболтнуть еще чего-нибудь лишнего, захрустел сосулькой.

Родители с подозрением посмотрели на сына, но расспросы прекратили. А Граах сидел и думал о том, что Агата была права насчет новогодних чудес, ведь у него наконец-то появился настоящий друг.